

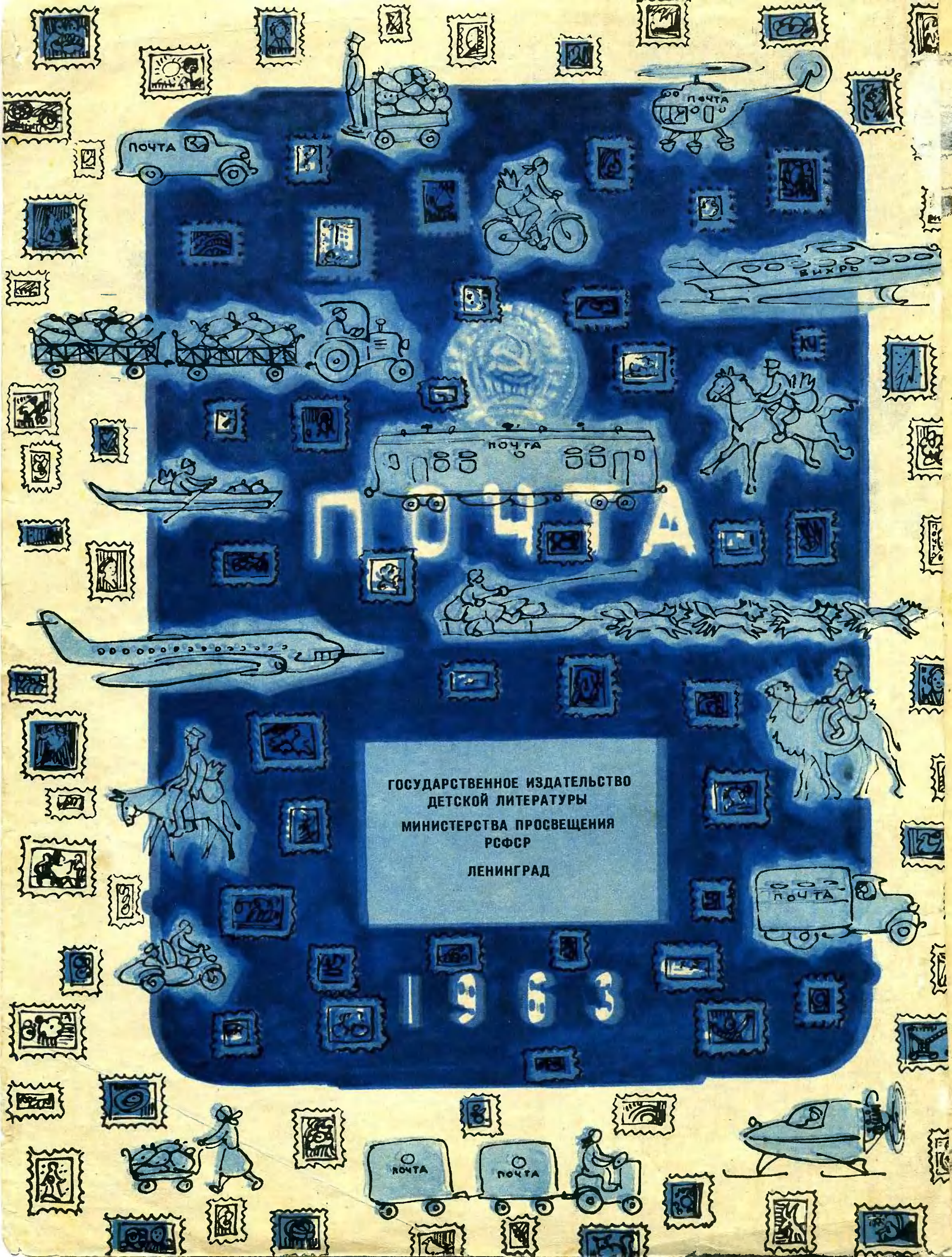
129

И. ГРИГОРЬЕВ

ТЫ
ОПУСТИЛ
ПИСЬМО

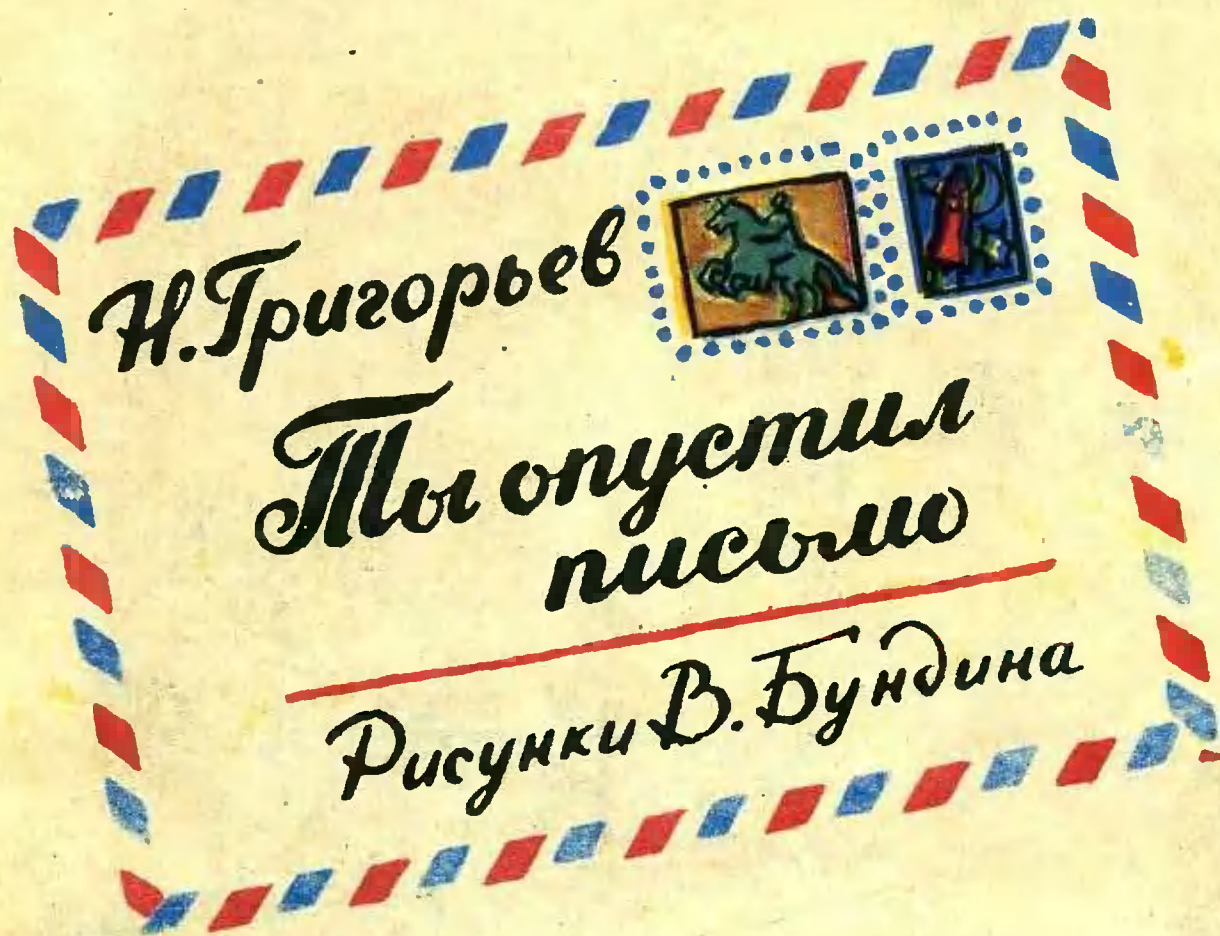
Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне?..

Это он!

Это он!

Ленинградский почтальон.

С. Маршак

КТО ЖИВЁТ В КЛЕТКАХ?

— **К**то живёт в клетках?

Уже слышу ответы, бойкие и дружные голоса:

— Канарейки живут в клетках!

— Попугаи!

— А у нас в клетке чирик!

— В зоопарке тоже клетки. И обезьянки в клетках, и тигры, и медведи, и серые волки...

— А у слона клетка без крыши, только забор. Потому что слон не выпрыгнет. Он очень тяжёлый.

— И у жирафа клетка без крыши. Потому что у него шея длинная, как труба. Он питается листьями с деревьев.

— Правильно. Всё правильно... А знаете, кто ещё живёт в клетках? Пожалуй, и не догадаетесь...

Письма!

Да, да, каждое отправленное письмо хоть немного, но обязательно поживёт в клетке.

Вот на улице почтовый ящик. Подходят люди и опускают письма.

Бабушка просунула в ящик открытку с картинкой. Это поздравление внучке. В город Псков.

Привстал на цыпочки школьник и тоже дотянулся до щели ящика. Он послал письмо в Москву товарищу. У школьников свои дела!

Остановился солдат. У него письмо в республику Коми. Должно быть, рассказывает матери, как красив Ленинград.

Из швейной мастерской, что напротив, выбежала девушка с напёрстком на пальце. Она на минутку, только до почтового ящика. Портниха шлёт письмо в Братск.

Всё наполняется и наполняется почтовый ящик...

Но вот подъехала маленькая юркая автомашинка. На кузове надпись „Почта“.

Выходит шофёр, в руках брезентовый мешок.

Этот мешок особого устройства. Подставишь его под ящик — щёлк, щёлк! — и ворох писем в мешке. А донышко ящика опять защёлкнулось.

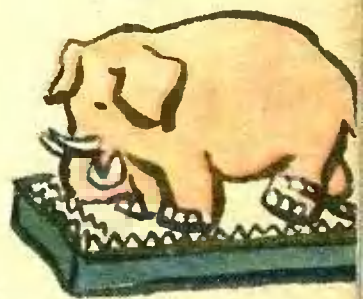
Поехали дальше.

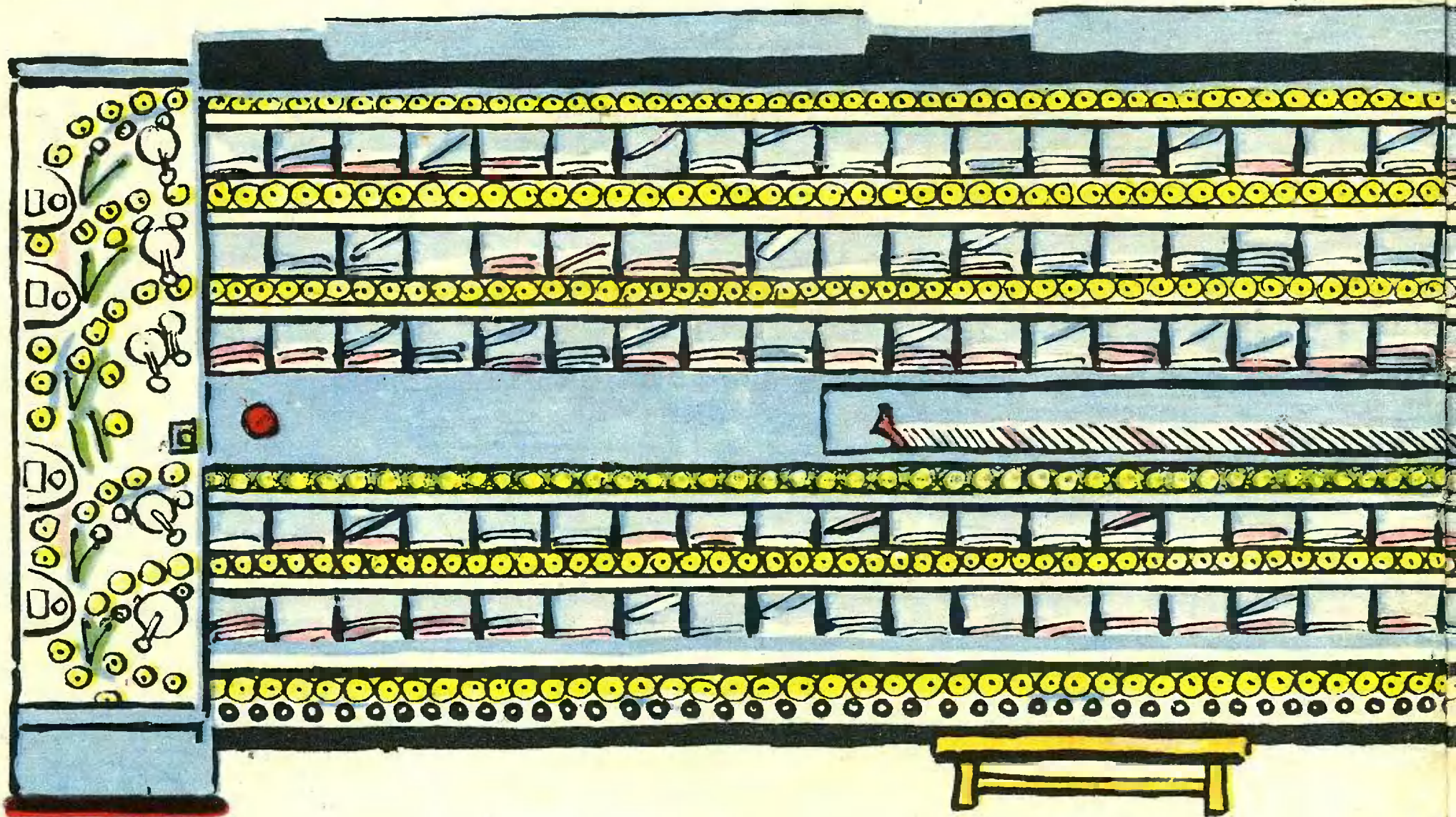
Машина с надписью „Почта“ снуёт по улицам и переулкам города, не пропуская ни одного почтового ящика.

Так кружит пчела, перелетая с цветка на цветок.

Пчела, набрав нектара, улетает к себе в улей.

А машина, нагрузившись письмами, мчится на главный почтамт.

Таких юрких почтовых машин колесит по городу множество. И все съезжаются к главному почтамту. Фырчат, толпятся машины во дворе. А большие круглые часы строго напоминают:

„Скорее сдавайте почту, скорее!“

Первым возвратился на почтамт Миша Стуколкин.

Открыл кузов машины.

Мешки полны писем и от этого толстенькие, грузные.

— Ну, тюлени, вылетайте! — Стуколкин кивнул на часы: — Прохлаждаться некогда!

Мешки, конечно, не пошевелились. Ведь это же только мешки.

Но Стуколкин парень весёлый, любит побалагурить.

Он сделал устрашающие глаза:

— Ах вы, лентяи! Ну, сейчас проснётесь!

Да как примется выбрасывать мешки из кузова.

Из кузова — да на транспортёр, на транспортёр!

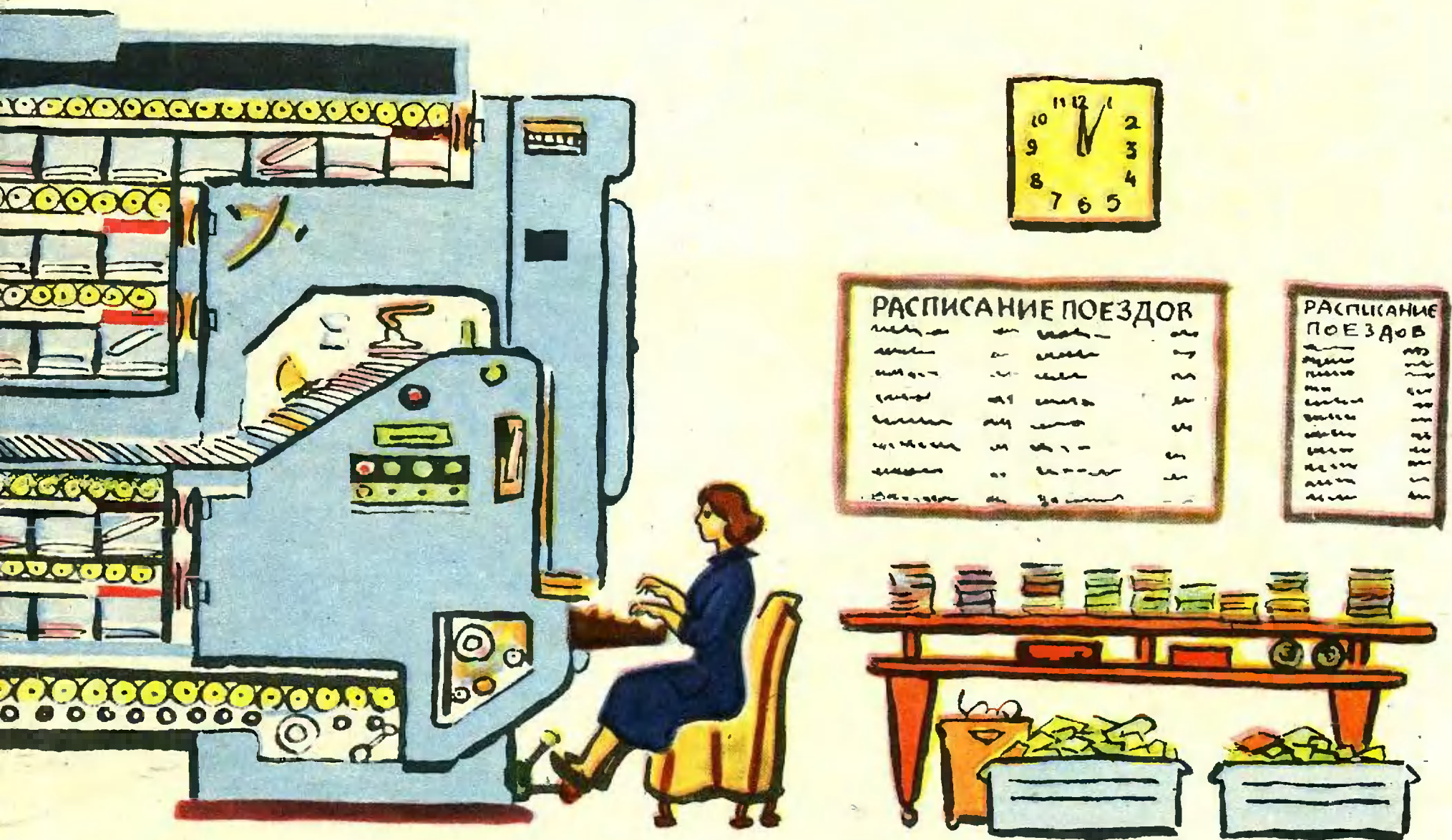
А это — бегущая лента.

Подпрыгивая на ленте, мешки помчались внутрь помещения.

А вот и клетки для писем.

Долго ли здесь письмам жить?

Нет, недолго — только до поезда.

Но сперва придётся распаковать мешки.

Вот мешок из автомашины Стуколкина. В нём перемешались разные письма: тут и от бабушки — в Псков, и от школьника — в Москву, и от солдата — в республику Коми, и от портнихи — в Братск... И ещё много всяких писем.

Не затолкнёшь же мешок с ними в один поезд!

Письма надо разложить по адресам.

Но на почтамт навезены горы мешков! Мыслимо ли всё это рассортировать?

А есть машина.

Эта удивительная машина напоминает гостиницу.

В ней несколько этажей, и на каждом этаже коридор.

По коридорам друг за дружкой бегут письма — разыскивают свои клетки.

Над клетками надписи:

„Москва“, „Псков“, „Братск...“

И ведь не ошибутся! Бабушкино письмо не забежит в клетку „Республика Коми“, а письмо школьника не сунется в клетку „Псков“.

Машина устроена так, что каждое письмо найдёт своё место.

Управляет этой машиной-гостиницей девушка-оператор.

Вот она сидит за клавишами.

Но здесь на стене тоже большие строгие часы.

Под часами — расписание поездов.

Взглянет девушка на часы, на расписание — и начинает ещё проворнее перебирать пальцами.

От этого письма ещё быстрее устремляются по коридорам, перебегают с этажа на этаж. А вдогонку им всё новые, всё новые... С разбегу письма запрыгивают в клетки, где уже и без того немалая теснота.

Но вот девушка-оператор встаёт со стула.

Как только она перестала нажимать на клавиши, — жизнь в гостинице замерла.

Письмам-постояльцам пора к поездам.

Перед дорогой, как водится, принято посидеть, и письма забираются на стол.

Не будем к ним строги, — ведь это не люди, а письма. Пускай посидят на столе.

Столик не простой, он с педалью.

Наступит упаковщица на педаль — и горка писем превращается в тугой пакет, перевязанный крест-накрест верёвочкой. Глазом не уследишь — такая быстрота работы!

Вот на столике горка писем из клетки „Москва“.

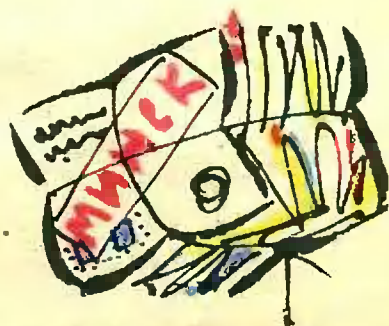
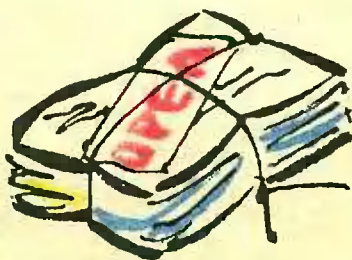
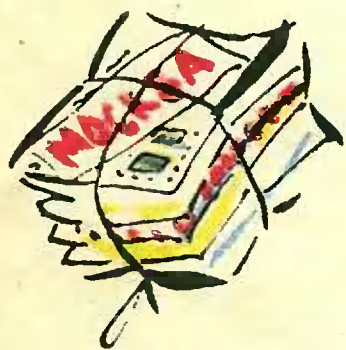
Её сменяет горка из клетки „Псков“.

Следующая — из клетки „Республика Коми“.

А вот на столике ещё горка писем — из клетки „Братск“. Но минуточку: здесь нет письма портнихи!

Да, пост-пакет в Братск отправляется без её письма.

Но почему же?

Письма отправлены, поезда ушли — и на почтамте наступает небольшая передышка.

Но что за стуки?

Это стучит-постукивает сортировщица-ручница. В руке штемпель, а на столе перед ней рассыпаны письма.

Лицо сортировщицы сердитое.

Главное — ни в чём не провинилась. Люди небрежничают, а она — исправляй чужие ошибки!

Легко ли день-деньской переворачивать письма да ударять по каждому ручным штемпелем!

Под конец дня рука как деревянная.

Но здесь ли письмо портнихи, написанное в Братск?

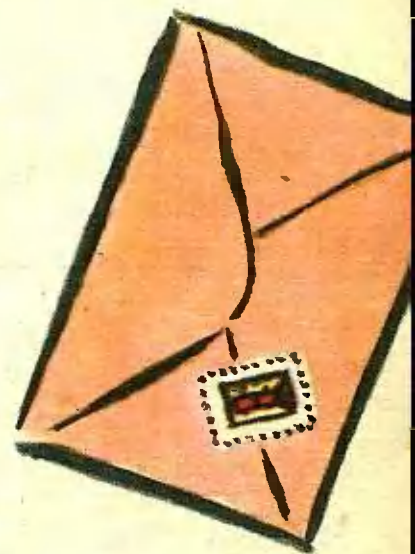
Ну, конечно, вот оно.

Ай-яй-яй, ну и письмо! Слова на конверте вкривь и вкось, а марка где? Не сразу и обнаружишь: прилеплена на обратной стороне конверта.

Нельзя отправлять письма впопыхах.

На конверте всё должно быть точно и правильно. И, конечно, разборчиво.

А где наклеивать марку? В верхнем правом углу — и только здесь.

КАК У ПОЧТОВОГО ВАГОНА ВЫРОСЛИ КРЫЛЬЯ

Не знаю, как назвать этот случай...

Кто говорит: „Сказка“.

Кто говорит: „Быль“.

Но вы, ребята, народ догадливый. Может быть, сами разберётесь?

Алёнка живёт в тайге. На Дальнем Востоке. Отец и мать у Алёнки охотники.

И хотя девочке всего шестой год, — она самого дремучего леса не страшится.

— Грибки, — говорит, — давайте в прятки. Прячьтесь от меня.

Но где там! У таёжной девочки глаз острый. Живо разроет мох — и грибы уже в корзинке.

Ни волки, ни медведи не осмеливаются тронуть Алёнку.

Потому что храбрая.

Но случилась беда...

Однажды пришла Алёнка из лесу, да и заболела.

Вся в жару, мечется, никого не узнаёт.

Свезли Алёнку в больницу.

Доктор говорит:

— Скверная болезнь. Укусил её вредный жучок. Скорее пошлите телеграмму в Ленинград. Там есть академик, который придумал лекарство от укуса такого жучка.

Родители Алёнки послали в Ленинград две телеграммы.

Одну — академику.

Другую — Алёнкиной бабушке.

Академик выдал бабушке лекарство. Она сразу — на почту. Сдала посылку, уплатила деньги и пошла домой.

Наступила ночь. Спит бабушка, улыбается во сне. Приснилось ей, что внучка уже выздоровела.

А на самом деле посылка ещё в Ленинграде. По расписанию не было псезда на Дальний Восток.

На станции зажёгся огонёк в почтовом вагоне.

Это вагон особенный. Ты уже знаешь, что письма на почте распределяют по клеткам.

И в вагоне клетки. Кроме того, — полка для посылок.

А проводником вагона — почтальон.

Разбирая мешки с письмами, почтальон увидел посылку для Алёнки.

— Эге, — говорит, — посылочка, да ты совсем дальняя! Тебе высаживаться последней. Так что посторонись, не мешайся под руками!

И засунул посылку в конец вагона.

Окончив своё дело, почтальон зевнул, потянулся...

Спит почтальон.

Вдруг шорох в вагоне...

Слабенький, слабенький... Проснись почтальон, он всё равно не расслышал бы этого шороха.

А письма насторожились. Все. Во всех клетках.

— Кто это? — спросил Пакет с Сургучной Печатью. — Это был важный Пакет, и говорил он густым голосом.

Шорох прекратился.

Потом кто-то горько заплакал.

— Да что же это такое? — Письма в клетках зашевелились. — Кого здесь обидели?... Мы, письма, дружный народ. Мы не допустим несправедливости!.. Кто же этот злодей, который обижает слабых? Укажите на него, — он будет наказан!

В ответ послышался тоненький-тоненький голосок:

— Ах, товарищи, я Лекарство для Алёнки. Никто меня не обидел... Но как подумаю, что ехать целую неделю... Страшно становится!

Тут вмешалась Поздравительная Открытка — блестящая от лака, расфуфыренная.

— Ничего страшного, — сказала она. — Куда спешить? Мне например нравится опаздывать. Когда почтальон на Новый год или к Первому мая приносит пачку поздравительных писем, — ты там незаметна. А если опоздаешь и явишься одна, — тебе такое внимание! Все тебя разглядывают, с возмущением показывают друг другу штемпель с числом, ругают почту. Это так весело!

Кто-то остановил болтушку, и тогда опять все услышали тоненький голосок:

— Ах, товарищи, Алёнка очень-очень больна. Иначе бы не обратились к нашему академику, поверьте!.. Ей надо сейчас же помочь, этой же ночью, — а то, а то... — Тут тоненький голосок захлебнулся в слезах. Промолвил едва слышно: а то не застать мне Алёнку в живых!

В вагоне стало тихо.

Было только слышно, как храпит почтальон.

Но тишина была недолгой. От волнения все вдруг заговорили, перебивая друг друга, и в шуме голосов ничего нельзя было понять.

Тут Пакет с Сургучной Печатью сказал зычно:

— Тише! Перестаньте кричать! Ти-ши-на!..

Письма в клетках замолчали.

Пакет продолжал:

— Мы так проспорим всю ночь и ничего не решим... Если у нас собрание, то нужен порядок. Сначала пусть каждый скажет: надо ли спасти Алёнку?

— Надо, надо! — закричали все. — А как же иначе? Спасти девочку, спасти!

Пакет с Сургучной Печатью сказал:

— Я того же мнения. Обязательно спасти! Теперь давайте думать, как это сделать.

— Я знаю как! — выкрикнула Заказная Бандероль.

— Не волнуйтесь, — сказал Пакет, — говорите спокойно. А всех остальных прошу внимательно слушать.

Заказная Бандероль напомнила, что поблизости аэродром. Оттуда улетают самолёты — в разные города, наверное и на Дальний Восток. Так что надо поскорее разбудить почтальона. И пусть он сбегает на аэродром и посылку для Алёнки передаст лётчику.

Пакет с Сургучной Печатью сказал:

— Понятно. Нет ли других предложений?

— Конечно, есть! Дайте мне слово.

Это заговорило Письмо в скромном сером конверте.

— Я всего только Простая Бандероль. Не Заказная! А та хоть и важничает, а сказала глупость. Человеку голос писем не слышен. Поэтому, сколько бы мы ни будили почтальона, он не проснётся и нас не поймёт... Эх ты, — а ещё Заказная!

Выступили ещё некоторые ораторы.

Жалели Алёнку, а как помочь девочке, — никто не придумал.

Лекарство в бабушкиной посылке уже плакало навзрыд.

— Теперь я беру слово, — сказал Пакет с Сургучной Печатью. — Спасти Алёнку можно!

Все в вагоне затаились: „Что же дальше он скажет, что?..“

— Можно спасти, — повторил Пакет. — Только дело это очень очень трудное...

— Подумаешь! — усмехнулась Поздравительная Открытка. — Чего вы нас пугаете? Открывайте свой план.

Пакет сказал:

— План простой. Он называется: „Один за всех и все за одного“. Согласны взяться дружно?

Из клеток ответили:

— Согласны! Согласны! А вас просим быть командиром!

Пакет с Сургучной Печатью приосанился. Круглое красное лицо его выразило железную волю.

Теперь он заговорил как командир.

— Товарищи Письма! — сказал Пакет. — Закрытые Письма и Открытки! Простые и Заказные! Товарищи Письма с извещениями о вручении адресату! Товарищи Бандероли! Слушайте меня: мы сами повезём вагон.

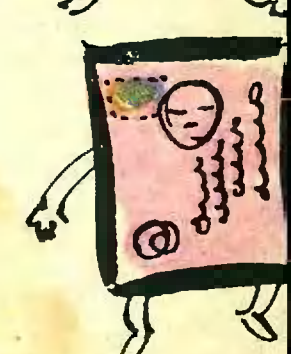
И Пакет приказал:

— Все наружу!

И — глядите, глядите: приказ уже выполняется!

Письма посыпались из окон — одно за другим, одно за другим...

И тут же стали прижиматься друг к дружке: плотно-плотно, будто пёрышки в крыле птицы...

Да это и в самом деле крылья! У почтового вагона вырастают два крыла — они становятся всё длиннее, всё гуще...

Последним выбрался из окна Пакет.

Он решил встать к корню правого крыла.

Здесь работа труднее всего — как у загребного на спортивной лодке.

Сзади окликнули:

— Товарищ Пакет с Сургучной Печатью! Я тоже хочу потрудиться для Алёнки!

Это пропихало Лекарство из посылки.

— Нет, — сказал Пакет, — вам не место в крыле. Почём я знаю — может быть, вас взбалтывают только перед употреблением? А вы намашетесь с нами да вдруг прокиснете! Нет уж, пожалуйста, отдыхайте в дороге. Ваше дело — вылечить Алёнку.

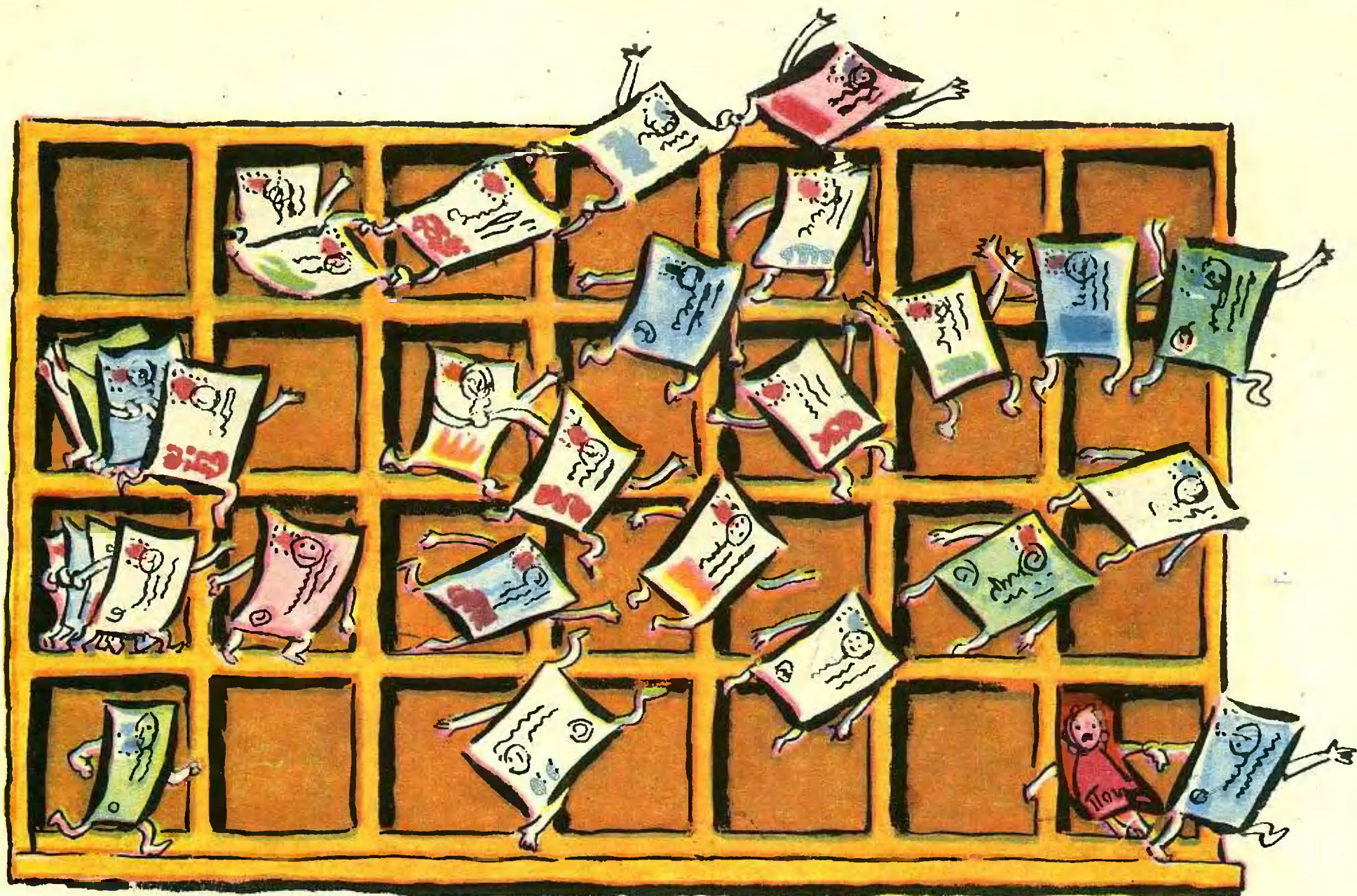
Пакет вылез из окна.

Обернулся, глядит, — а в одной из опустевших клеток притаилась Поздравительная Открытка.

— Я... я... — забормотала она. — Я слабенькая, меня не троньте...

Пакет рассердился. Сургучное лицо его потемнело.

— Ах, так? Всем работать, а вам кататься? Нет, не пройдёт. Марш из вагона!

Поздравительная Открытка выпрыгнула наружу.

Но ни одно из писем, дружно соединившихся в крыльях, не пожелало принять бездельницу.

Гонят её и гонят, — перебегает лентяйка с крыла на крыло. Наконец, совсем запыхавшись, остановилась на кончике левого крыла.

„Обещаю работать, дайте местечко!“ — Тут её и оставили.

— Внимание! — скомандовал Пакет с Сургучной Печатью. — Оба крыла разом — взмах!

Крылья поднялись и со свистом опустились.

Ветер пригнул траву до самой земли.

— Ещё раз — дружнее! Взмах!

Скрипнули колёса — и вагон покатился по рельсам.

— Взмах, взмах, взмах!.. — без передышки выкрикивал Пакет.

Вагон помчался, часто постукивая колёсами...

И вот он в воздухе...

— Теперь набирать высоту! Налегли, дружнее! Чаше взмахи!

Ещё чаще!..

Вагон уже над облаками.

Всем от работы жарко, — только Поздравительной Открытке холодно.

Бездельничает, — вот и окоченела.

Рванул ветер. Бездельница сорвалась с крыла и пропала в бездне клубящихся облаков.

— Поделом ей! — сказал Пакет с Сургучной Печатью. — Кто дружно с товарищами не трудится, — тот всегда и везде лишний!

Вагон забирался всё выше и выше. Летел всё быстрее...

А когда взошло солнце, — вагон стоял уже на Алёнкиной станции.

Письма опять были в клетках.

Почтальон проснулся и долго в удивлении стоял перед окном.

Прочтёт название станции и зажмурится, протирает глаза.

„Вот так всхрапнул, ай-яй... — бормотал почтальон. — За неделю ни разу не проснулся! Но молчок, никому ни слова, а то попадёт!“

Почтальон умылся, расправил на себе измятый костюм и с бра-вым видом принялся выгружать почту из вагона.

...Лекарство поспело к Алёнке вовремя.

Девочка выздоровела.

Недавно Алёнка была в гостях у бабушки, и ей очень понравился Ленинград.

* * *

В нашей стране есть почтовые вагоны с крыльями.

Только крылья эти не из писем, а как у всех самолётов — металлические.

Каждый почтовый самолёт заменяет несколько почтовых вагонов.

Почему?

Очень просто. Пока вагон движется, постукивая колёсами, самолёт успевает сделать несколько рейсов.

БОЛЬШАЯ СУМКА

В Москве почтальоны.

И в Ленинграде почтальоны.

У них давнишняя дружба!

„Мы, — говорят москвичи, — соревнуемся с Ленинградом!“

„Мы, — говорят ленинградцы, — соревнуемся с Москвой!“

А когда социалистическое соревнование, — очень хорошо работает: весело и с большой пользой.

Ведь каждый старается изо всех сил!

А главное — знаете что? Все друг другу помогают — вот что главное!

Звонят однажды по телефону из Москвы.

Начальник почты в Ленинграде взял трубку.

Слушает, что-то записывает для памяти... Мало ли дел у начальников!

Кивает головой, поддакивает в трубку...

Да вдруг как упрётся рукой о край стола. Даже стул под ним поехал назад.

— Нет, — говорит, — нет и нет! Это мы в Ленинграде изготовим. Уж позвольте вам помочь. Ведь мы же соревнуемся с вами!

Пока начальник почты объяснялся с Москвой, вернулись с порожними сумками три почтальона, три девушки-вострушки-хохотушки.

Забрались в уголок и — „хи-хи-хи“ да „ха-ха-ха“!

И вдруг слышат — разговор-то по телефону какой удивительный: Москве сумка понадобилась. Да не простая, как у всех почтальонов. Особенная сумка: на тысячу писем!

Девушки переглянулись от удивления.

— Вот так здорово! — говорит одна. — Для такой сумищи, знаете, какие нужны плечи? Богатырские. Как у самого Ильи Муромца!

Другая пошутила:

— А может, Илью Муромца и взяли в почтальоны? Или Гулливера!

— Или Дядю Степу-Каланчу! — рассмеялась третья.

В это время разговор с Москвой прервали.

Вострушки к начальнику.

— Что за сумка? Для чего такая большая?

Начальник почесал затылок.

— Эх-ма, — говорит, — а я и не догадался спросить, зачем московскому почтальону такая сумка... Ну, ничего, узнаем. Глав-

ное, девушки, то, что москвичи уступили эту работу нам. И мы сделаем для столицы отличную сумку!

— Правильно! — подхватила одна. — Своей сумки не пожалею, а товарищей выручу!

И схватила ножницы.

Начальник к ней:

— Стойте! Да вы что... Сумки портить?

А та своё:

— Распорем и сошьём. Из наших трёх сумок получится одна большая. Как раз на тысячу писем!

Начальник отобрал ножницы.

— Не дурите, — говорит. — Сколько живу на свете, а такого соревнования, чтобы портить вещи, не встречал... Ну, распорете вы свои сумки, — а дальше что? И москвичей не выручите, и сами останетесь ни с чем... Много зря хохочете, девушки. Оттого и подумать некогда!

Вострушки сказали „до свидания“ и разошлись по домам.

А начальник опять к телефону.

— Извините, — говорит, — нас прервали... Так для чего же всё-таки сумка на тысячу писем?

Из Москвы отвечают:

— У нас тут кругом новые дома. Так вот, к одному из жильцов каждый день приходит тысяча писем...

— Тысяча писем! — ахнул ленинградец. — К одному человеку!

— Притом каждый день, — подтвердил москвич. — Для этого адресата держим отдельного почтальона. И всё равно не управляется. Просит дать большую сумку.

— Да что же это за адресат такой удивительный? Хоть назовите!

И москвич назвал:

— Юрий Алексеевич Гагарин. Ему отовсюду поздравления — из всех стран, от всех народов. Ведь своим подвигом Юрий Алексеевич прославился на весь мир! А заодно и его жене Валентине Ивановне шлют письма, и обеим дочкам... Так что срочно высылайте большую сумку!

— Ясно, — сказал начальник. — У нас в Ленинграде знаменитый сумочник. Мастер, известный на всю страну! Так что не беспокойтесь...

Оделся, схватил фуражку — и в метро.

Приехал на фабрику кожаных изделий.

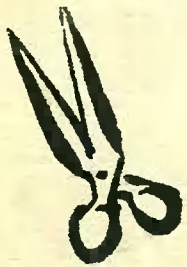
Вот и сумочник.

Это старичок с сильными и ловкими, как у молодого, руками. А кончики пальцев тёмные — от многолетней работы с кожей.

Познакомились.

Почтовый начальник заказал большую сумку и говорит:

— Только уж, пожалуйста, сделайте лучше!

Старичок нахмурился. Недоволен такими словами.

— А я, — отвечает, — всё делаю только хорошо. Плохо не умею. Так уж свои руки приучил. С малолетства мои руки понимают красоту работы.

Прошёл день, другой — и сумочник сам приехал на почту.

В руках небольшой пакетик.

А как сорвал бумагу да расправил сумку, — заняла она весь стол: большая коричневая сумка на широком ремне.

Девушки-почтальоны, конечно, тут как тут.

Стали примерять новую сумку.

Примерила одна:

— Девчонки, да эта сума-сумища совсем лёгкая. Как пёрышко! Из чего это она? И не кожаная, и не брезентовая...

Примерила другая:

— И вправду какой-то чудо-материал! Наши сумки куда тяжелее.

Примерила третья — и к зеркалу.

— А какая, — говорит, — нарядная. Я бы с такой сумкой сама пошла Гагарину письма носить!

А начальник:

— Ладно, ладно, давайте сюда сумку. И без вас найдутся в Москве почтальоны.

И он стал запаковывать сумку для отправки.

Тут старик-сумочник достал из кармана заранее приготовленное письмо.

— А это, — говорит, — от меня Юрию Алексеевичу поздравление. Хочу, чтобы доставили ему моё письмо в этой новой сумке.

Прошло некоторое время, — и не стерпел ленинградский почтовый начальник, звонит по телефону в Москву. Интересно услышать про большую сумку!

— Ну как, — спрашивает, — подошла?

— Сумка-то? Да уже мала, — отвечают.

— Как так? Почему мала?

Оказывается, в новых домах рядом с Гагариным живет второй лётчик-космонавт: Герман Степанович Титов.

Так что надо доставлять космонавтам уже вдвое больше писем.

Ленинградец:

— Так я опять поеду к сумочнику. Он, может, и ещё лучше сделает сумку!

А из Москвы:

— Товарищи, ваша ленинградская сумка хороша, но она уже сделала своё дело. Ведь ещё два космонавта вернулись из полёта: Андриан Григорьевич Николаев и Павел Романович Попович. Представляете, сколько писем ещё прибавилось!

На этот раз сумка заказана в Москве. Заказана прокатчикам, токарям, слесарям.

Почтовая сумка на колёсах.

ДВА ПОЧТАЛЬОНА

Вот почта. Зайдём на минутку.

Пока я буду сдавать телеграмму, — осмотришь: всё ли тебе здесь знакомо?

Стеклянный заборчик перегораживает комнату. В нём окошки. Над окошками надписи.

Вот здесь можно купить конверт, марку или открытку.

А здесь примут посылку.

Вон к тому окошку подходят старые люди, получают пенсии.

Есть окошко, где можно подписаться на газеты, журналы.

Есть окошко с надписью: „Сберкасса“...

Что ещё на почте?

Обрати внимание на высокий узкий домик. В нём темно. Но, едва ступишь на порог домика, — внутри приветливо зажжётся огонёк.

Огонёк приглашает снять с аппарата телефонную трубку.

Из домика можно переговорить с любым городом.

Можно и с заграницей. Если, конечно, у тебя есть друг в дальних странах.

Не обзавёлся ещё таким другом? Дай срок, появится и далёкий друг. Непременно. В жизни у тебя будет много-много друзей.

А пока присядем. На почте можно и отдохнуть.

Вот свободные стулья. Погляди, как уютно. Вокруг нас с тобой цветы...

Но всегда ли здесь было так уютно и красиво?

Представь себе, что цветы завяли.

Побитые морозом, они, как грязные тряпки, повисли на горшках.

Окна стали для людей опасными. Пришлось их заложить кирпичами.

Электричества в городе не стало.

Но не сидеть же в темноте!

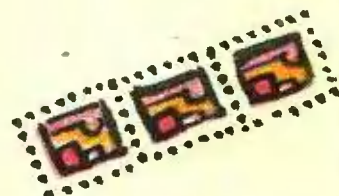
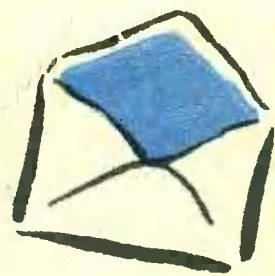
Одну из чернильниц наполнили керосином. Выпустили наружу фитилёк, зажгли. Капелька огня, а всё ж таки видно, что руки делают!

Приветливого домика не стало. Его разрубили топором на щепки.

Дров нет, а надо согреться. Иначе не поработаешь...

Это было во время блокады Ленинграда.

На Советский Союз напали немецкие фашисты, и Ленинград стал фронтовым городом.

Почтальон Петрова наполнила сумку письмами.

Она спешила в госпиталь.

В госпитале, куда Петрова доставляет почту, умирал раненый солдат. Лекарства не помогали...

„И не помогут! — сказали доктора. — Не помогут, если не будет письма от товарища, с которым этот солдат был в бою!“

Весь госпиталь знал подробности героического боя. Два солдата отбивались в окопе от фашистов. За Родину стояли насмерть... Один солдат очнулся только в госпитале.

А другой?

Другой пропал.

И теперь раненый в бреду и наяву требовал:

„Узнайте, где Ахмедов. Он мне жизнь спас! А сам... Ох, замучают фашисты Ахмедова, если в плен попал!“

Едва Петрова заходила с сумкой в госпиталь, как её окружали раненые, которые уже могли передвигаться.

Петрова уже раздала письма, газеты. Но раненые не расходились.

„Тётя Глаша, а Кулешу?... Опять нет ничего?“

„Ребятунки! — говорила Петрова. — Не разрывайте вы моё сердце на части. Сама понимаю беду...“

И вдруг весточка. Долгожданная! Сегодня в сумке у Петровой письмо.

Кулешу — от Ахмедова.

Заторопилась тётя Глаша в госпиталь — а тут воздушная тревога. Затаивали зенитки. В небе за клубились дымки разрывов.

Сунься-ка на улицу, — схватят и в бомбоубежище. Да ещё накажут за нарушение правил.

Почтальоны, томясь, сидели с наполненными сумками.

Наконец в репродукторе щёлкнуло, и зычный голос объявил: „Отбой воздушной тревоги! Отбой...“

Петрова первой бросилась к выходу, но пошатнулась и села на табурет.

Подружки-почтальоны — к ней.

А Глаша:

— Не пугайтесь, девушки, я здорова. Идите. Отдохну — и за вами.

Каждая, уходя, сняла с полки пакетик — свой дневной паёк хлеба.

Ломтик — два раза откусить. Это был для ленинградцев и завтрак, и обед, и ужин.

Но тётя Глаша и этого не съедала. Тайком от подруг клала пол-ломтика в другой пакет. Очень уж одна из девушек-почтальонов страдала от голода. Даже плакала.

Глаша считала себя крепкой, выносливой. Но, как видно, чересчур понадеялась на свои силы. Теперь и с табуретки не встать.

„Ничего, ничего, — подбадривала она себя. — Хлебушка поем да кипяточком запью. Ножки и побегут“.

Вдруг будто гром ударил в комнате. Пол так тряхнуло, что Глаша упала с табуретки. В ту же минуту сделалось ослепительно светло.

Глядит — а стена отделилась от потолка и разваливается на части.

„Снаряд! — подумала Глаша. — Фашистская артиллерия ударила!“

Каким-то чудом уцелела полка. На ней по-прежнему белел пакетик.

Глаша, охая от ушибов, медленно поползла к полке. Взять хлеб.

И только теперь заметила, что в противоположном конце комнаты начался пожар.

Ахнула тётя Глаша...

Горела её сумка с письмами. Это расплескался и вспыхнул керосин из коптилки.

Глаша повернула назад.

Стащила со стола сумку, а она уже вся в языках пламени.

Глаша навалилась на этот костёр, стала душить огонь.

Обнимая сумку, выскочила на улицу.

Здесь, в сугробе снега, додушила пламя.

И сразу вспомнила про хлеб.

Но ни полки уже, ни пакетика. Всё завалено битым кирпичом...

Почтальон Петрова, с ожогами на лице и на руках, в обгоревшем ватнике, вышла на работу.

„Нет, не разнести писем!“ Она прислонилась к забору. Сумка выпала из её рук.

Мимо, гудя и завывая, промчались пожарные машины.

Тётя Глаша даже руку не подняла, не попросила помощи.

«Пожарные не имеют права останавливаться. Где-то горит или, быть может, надо спасти людей».

Из-за угла показался грузовик.

Глаша приободрилась.

— Стойте, товарищи, стойте! — Она размахивала письмом с обгоревшими уголками. — Мне бы только до госпиталя!

Грузовик был полон солдат, и командир, повернувшись к Глаше, постучал пальцем по своим часам: мол, некогда!

Глаша поняла, что солдаты спешат в бой.

Машина у них была пятнистая. Такие машины зимой — невидимки для врага.

А время шло...

Глаша с замиранием сердца подумала:

„Где взять силушки, как же доставить письмо?..“

Ах, Кулеш, ведь вот оно, твоё спасение! Только успеет ли к тебе?“

По улице брели двое — старик и девочка. Впрягшись, тянули санки.

На санках чайник с водой — всего только и груза, но старик и девочка трудились вдвоём.

Остановились передохнуть.

„А ведь ей годочков семь — восемь! — Глаша улыбнулась девочке. — Да и глазёнки смекалистые... — И тут же с волнением подумала: — Такая может выручить“.

— Девочка, хочешь быть почтальоном?

Ребёнок деловито сморщил брови:

— Это как? По-правдашному?

Тётя Глаша кивнула:

— По-правдашному. Вот письмо. Надо снести в госпиталь раненому.

Ребёнок подержал письмо:

— Знаю, где госпиталь.

И вдруг лукаво прищурился:

— А я и не девчонка вовсе! — Он высвободил из тёплого платка лицо: — Смотрите, я мальчик. Я Ванюша!

Старик рассердился на тётю Глашу. Заворчал: мол, это безобразие — среди улицы хватать чужих детей и превращать их в почтальонов!

А мальчик — к деду:

— Нет, отпусти! Нет, отпусти!

Родители у мальчика, оказывается, были на фронте. А дед от себя внука — ни на шаг.

Мальчик уже в слезах:

— Папа отпустил бы. И мама отпустила бы!

Видит Глаша — упрямого старика не переспорить.

Делать нечего: хоть каждая минута дорога, — пришлось потерять время, рассказать про Кулеша и Ахмедова.

Старик встревожился. Забормотал в бороду:

„Ах ты, беда какая... Вот беда...“

Да как напустится на внука:

— Ну, чего рот разинул? Слышишь — солдат-герой может помереть. Бери письмо, беги!

Глаша вмешалась:

— Бежать, мальчик, не надо. Силёнок не хватит добежать. Иди спокойно, ровненько... И письмо в руки не дам. А вот так...

Она засунула письмо мальчику под пальто, на грудь. Снова укутала его тёплым платком. Спереди крест-накрест, концы платка под мышки — и завязала на спине узлом.

Поцеловала мальчика:

— Ну, ступай, Ванюша, почтальон мой!

Старик спросил у женщины полное имя-отчество, сел на краешек санок и показал свободное место по другую сторону чайника.

— Отдохнём, Глафира Ивановна. Вы, кажется, совсем больны. На вас лица нет.

Тётя Глаша села и сразу забылась.

Очнулась она от шума подъехавшей машины и громких голосов.

Глядит — в кабине, рядом с шофёром — Ванюшка. Да какой важный, даже с места вставать не хочет!

А выскочивший из машины санитар в белом халате уже засуетился возле Глаши.

Он освободил её от тяжёлой почтовой сумки, бережно взял под руку и стал усаживать в машину.

— Ай-яй, — говорит, — тётя Глаша, уж не болеет ли вздумали? Нет, нельзя почтальону болеть. Кто же тогда солдату весточку принесёт?

Глаша через силу улыбнулась.

— А как Кулеш? — спросила она.

— Ожил. От письма совсем ожил! Всех в гости требует! Садись и ты, дедушка, подвезём. В чайник тебе кипяточку нальём!

И санитарная машина, вздымая снежную пыль, помчалась к госпиталю.

КАТЯ ГЛАЗКОВА

Стоит Дуня у станка. Работает, — а слёзы кап да кап...

Подошли подружки:

— Что с тобой, Дуняша? Станок разладился?

— Нет, — отвечает, — станком довольна. Прядёт, ниточку не порвёт.

— Может, с непривычки руки болят?

— Нет, — отвечает, — размялись руки. Уже план перевыполняю.

— Дунька, так тебе петь да радоваться! А у тебя глаза красные. Признавайся, почему плачешь?

• А был большой праздник. Пятнадцатый раз страна отмечала День Победы. Всюду флаги, цветы, счастливые лица людей.

Тут и всплакнула Дуня над своим одиночеством.

Призналась подружкам, что одна она на всём свете.

— Папа, — говорит, — и мама погибли, защищая от фашистов Ленинград. А меня с маленьким братом разлучили...

Подружки — в один голос:

— Как так разлучили? Кто посмел обидеть сирот?

А дело было вот как. Пришёл в Ленинград приказ — всех ребятишек вывезти в тыл.

Дуняша помнит себя в вагоне поезда.

Вдруг грохот, всё опрокинулось, полетело кувырком...

Кричат:

„Воздушный налёт! В паровоз попала фашистская бомба!“

Перепуганную девочку увели с места крушения за руку.

А Серёжа, хотя он и постарше сестрёнки, идти не смог. Его унесли раненого.

Подружки посоветовались и говорят:

— Напиши брату. Сегодня же. Где он живёт?

— Нет у меня брата...

А подружки:

— Откуда ты знаешь? Может, его спасли. Срочно напиши в Ленинград!

Дуня как разревётся:

— Оставьте меня, оставьте! Я самая несчастная на свете. Даже не помню, какая у нашей семьи фамилия...

Подружки — в изумлении:

— Забыла свою фамилию?.. Да уж не больна ли ты? Ну, повторяй за нами: „Смородина, моя фамилия — Смородина...“

Дуня печально усмехнулась:

— Вы, девушки, меня не поняли. Да, я Смородина. Только фамилия-то моя придумана.

И Дуня рассказала, что после крушения поезда её, совсем крошечную девочку, привезли на Урал и поместили в детский дом.

А при детдоме был ягодный сад. И однажды Дуня, спрятавшись под кустом, объелась смородины.

Всю ночь корчилась от боли. Всю ночь ставили ей грелки на живот.

После этого ребяташки давай дразниться:

„Дуня Смородина! Обьедалка! Кислая смородина!“

А заведующая детдомом подошла и говорит:

— Ну вот, девочка, ты себе под кустом и фамилию нашла. Так и запишем в документы: Евдокия Смородина.

Выслушали подружки Дунина рассказ, покачали головами.

— Значит, брат у тебя не Смородин. Ясно. Серёжа с неизвестной фамилией... Плохо, милочка, твоё дело! Не найти тебе брата.

Дуня сердито отвернулась.

— Уходите, — говорит, — оставьте меня!

Опять стоит у станка, работает. Тонкую нитку прядёт.

А слёзы кап да кап...

Жалко подружкам сироту.

Когда прогудел на фабрике гудок и окончилась работа, девушки уединились в красном уголке.

Сочинили письмо. А на конверте написали:

„Город Ленинград.

Самому лучшему ленинградскому почтальону“.

И обратный адрес.

— Катя Глазкова! — позвал в Ленинграде начальник почты. — Вот получено для тебя письмо. С Урала.

Катя удивилась. На Урале у неё ни родных, ни знакомых.

А начальник:

— Всё равно, — говорит, — это письмо тебе. Ты у нас на Доске почёта, ты лучший в Ленинграде почтальон.

Катя распечатала письмо, прочитала и рассмеялась:

„Вот чудачки! Разыщи им Серёжу, а фамилии не говорят. Я же не фокусник!“

Сунула письмо в карман. И только вечером, после работы, о нём вспомнила.

Поужинала, отдохнула — и села письмо перечитывать.

Теперь Катя уже не смеялась. Очень ей захотелось помочь Дуняше. Но Ленинград — город огромный. Несколько миллионов жителей. И Серёж здесь видимо-невидимо.

Задумалась Катя:

„Который же из них?.. Даже отчества нет. Неужели не знают?“ — И она дала телеграмму на Урал.

В ответ пришло новое письмо.

Опять от Дуниных подружек.

Это было весёлое письмо. Девушки на фабрике, видать, боевые! „Наша Дуня, — писали они: — Евдокия Максимовна. А брат, по её словам, — Сергей Максимович. Но как верить на слово девчонке, которая ухитрилась забыть родную фамилию? „Докажи, — говорим, — что ты с братом Максимовичи“.

Дальше в письме говорилось, что Дуня повела всех к себе в общежитие, раскрыла чемодан и достала обгоревшую тряпочку.

Это была метка, когда-то пришитая к платьицу ребёнка. С этой меткой Дуню вывели из Ленинграда. А тут крушение, пожар...

Была полная надпись карандашом: имя, отчество, фамилия ребёнка. А уцелело только: „Евдокия Максимовна“.

Но девушки на фабрике дотошные!

Разглядывая тряпочку, они вдруг обнаружили букву „Б“.

— Дунька, — закричали подружки, — где же были твои глаза! Твоя фамилия с буквы „Б“ начинается!

— Знаю, видела, — сказала Дуня. — Но одна буква — это ещё не фамилия. Назвали меня Смородиной — Смородиной и останусь.

Подружки согласились, что фамилию теперь менять нечего.

А про букву „Б“ сообщили в Ленинград.

— Почтальон Глазкова! — сказал начальник почты. — Ну, как, надеешься разыскать этого загадочного Серёжу?

— Сейчас скажу. — И Катя быстро прочитала письмо.

„Отчество Серёжи — Максимович... Фамилия начинается с буквы „Б“...“

Катя так обрадовалась приметам, что тут же пообещала начальнику:

— Разыщу его. Честное комсомольское!

Погорячилась девушка. Пришлось ей пожалеть о своём недуманном обещании.

Но пока что Катя ликовала:

„Ай да уральские девчонки! Вот молодцы! Откопали начало Серёжиной фамилии... А с фамилией можно и в адресный стол!“

Но заявку у Кати не приняли. Из окошка сказали:

— Товарищ Глазкова, вы опытный почтальон и знаете наши порядки. Надо написать полную фамилию.

Конечно, Катя знала порядки. Но к букве „Б“ ничего прибавить не могла.

Всё это Катя рассказала у окошка.

Сотрудница адресного стола в раздумье молчала.

— Да ведь мы же ленинградцы! — сказала Катя. — Сами пострадались. Кому же, как не нам, понять сироту!

Сотрудница не спорила. Только сказала:

— А знаете, сколько у нас карточек на букву „Б“? Их и за год на перебрать.

Прошло несколько дней.

Звонок по телефону: „Почтальона Глазкову в адресный стол!“

АДРЕСНЫЙ
СТОЛ

У окошка Катю встретили все сотрудницы. Улыбаются.
— Ты, Катя, не подумай о нас худого. Решили перебирать карточки, знаешь, когда? В обеденный перерыв... Вот получай для начала!

Какая радость — у Кати в руках три адресных листа! „Сергей Максимович... Сергей Максимович... Сергей Максимович“ — и все фамилии на „Б“.

Катя в этот день чуть ли не бегом разносила почту.

А когда работу кончила, даже домой не зашла. Даже не поужинала. Так не терпелось пуститься на поиски Сергея.

Приехала по первому адресу. Здесь проживает Бабкин.

„Он или не он?..“

Катя глядела на кнопку звонка, не решаясь к ней прикоснуться.

Наконец собралась с духом и позвонила.

В квартире зашаркали туфлями.

В переднюю вышел мужчина.

— Спрашиваете Сергея Максимовича? Это я, к вашим услугам!

Катя смутилась, пробормотала извинения — и за дверь. „Какой же это брат Дуняше — он ей в дедушки годится!“

Метро доставило Катю на другой конец города.

Новенький дом. На лестнице ещё пахнет краской.

Ступени — как белые пастилки. Такие чистые, что боязно ногой наступить.

Позвонила.

Спросила Сергея Максимовича Бибикова.

В переднюю влетел мальчик, расставил ноги и прицелился в Катю из деревянного ружья:

— Вы в плену. Ни с места!

У пленницы нашлась в кармане карамелька, и она сумела откупиться.

А выйдя на площадку, с огорчением подумала:

„Что это с адресным столом? Стариков дают, малышей... Неужели трудно догадаться, что Сергей Б. сейчас взрослый человек?“

Нет, ничего не получается у сотрудниц адресного стола. Урывками, в обеденный перерыв, — это не работа!

Всё же Катя пошла по третьему адресу. И опять не то.

Наутро явилась к начальнику.

— Снимайте мой портрет с Доски почёта! — И, пряча слёзы, опустила голову. — Не найти Сергея... Я нарушила комсомольское слово!

Начальник вскочил. Замахал руками, призывая своего лучшего почтальона одуматься. Но Катя так расстроилась, что не поняла ни слова.

Пришла домой... На столе свежее письмо. Опять с Урала.

Распечатала.

Глядит — от Евдокии Смородиной. В первый раз Дуня написала сама.

„Эх, Дуня, Дуня, горе ты моё... „ — вздыхала Катя и села читать письмо.

Знакомый уже рассказ о поезде, фашистской бомбе, крушении...

„Братец очень кричал, — писала Дуня. — Рука вся в крови и даже стала не похожей на руку...“

Глазкова перечитала это место.

Изувеченная рука... Важная примета!

Но тут же вспомнила, что адресный стол не учитывает здоровья жителей.

Легла на диван, закрыла голову подушкой... Очень тяжело было у Кати на душе.

Вдруг она встала.

— А зачем, — говорит, — мне адресный стол? Ну-ка, письмецо, полезай в карман.

* * *

На окраине Ленинграда, среди зелёных рощ, есть домик с колоннами. Там дружно и шумно живёт детвора.

Катя Глазкова любит бывать в этом домике. Любит поиграть с ребятами. В свободное время помогает воспитателям.

Сюда Катя и примчалась за советом.

Вошла — и прямо в кабинет к заведующей.

— Мария, — говорит, — Павловна, я разыскиваю адресата, зовут Сергей Максимович, фамилия на букву „Б“. Есть примета: во время войны, мальчиком, был ранен в руку... Вспомните, пожалуйста, — не воспитывался ли он у вас?

Заведующая помолчала, раздумывая.

Потом положила на стол большую толстую книгу и принялась медленно её перелистывать. Она водила пальцем по столбикам фамилий бывших воспитанников.

Толстая книга прочитана. Не нашлось в ней Серёжи, раненого в руку. Но Катя не отступалась.

— Если не у вас, — сказала она, — так, может быть, в других детских домах?

Заведующая села к телефону.

Когда уставала звонить, — её сменяла Катя.

Наконец из трубки ответили:

— Да, был такой мальчик. Серёжа Буянов, Сергей Максимович. Только он давно уже вырос!

На другой день Глазкова отправилась в детдом, где когда-то жил Буянов.

Ей рассказали, что это был удивительный мальчик.

Писал левой рукой — правая не действовала.

Но Серёжа твердил:

— Всё равно не поддамся! Фашисты думают, что прикончили всех Буяновых. А я не поддамся. Не увидят меня калекой!

И не поддался.

Он раздобыл тугой чёрный мячик. Положит его в ямку на

правую ладонь и заставляет негнущиеся пальцы этот мячик сжимать. Вскрикнул от боли, даже побледнеет... А потом отдышится — и опять за своё.

Год возится с мячиком, другой...

Добился-таки своего. Ожили пальцы!

А доктора помогли окончательно вылечить руку.

...Слушала Катя, слушала и вдруг спохватилась:

„Скорее в адресный! Фамилия известна — теперь мигом выдадут справку!“

И вот Катя в квартире у Сергея Максимовича Буянова.

— Ах, ах, — всплеснула руками соседка-старушка, — доктор Буянов только что выехал! Минут бы десять пораньше — и застали бы.

Катя опешила:

— Куда же он?

— Куда, куда, — проворчала старушка. — Сдурел парень. Он уже почти главный врач в больнице, вот какой умница... И вдруг бросил всё — на село его потянуло. „Там — говорит, — я нужнее, чем в городе“. Сегодня же и укатит. Через полчаса поезд.

Катя больше не слушала.

Выбежала на улицу. В такси — и на вокзал.

Смешавшись с толпой пассажиров, она вдруг поняла, что сделала глупость. Который здесь Буянов? В лицо ведь не знает! Старушку надо было прихватить. Эх, не догадалась!

А возвращаться за старушкой — упустишь поезд.

Как же быть?

В это время заговорило радио:

„Продолжается посадка на поезд дальнего следования номер...“

— Вот что поможет! — И Катя бегом к начальнику вокзала.

Через минуту радио прогремело:

„Внимание, внимание! Обращаемся к пассажиру доктору Буянову. Сергей Максимович! У вас большая радость. Зайдите к начальнику вокзала.“

И вот они стоят друг перед другом: маленькая девушка-почтальон и рослый молодой человек, одетый по-дорожному.

— Жива? Дуняшка жива? — кричит Буянов и хохочет от счастья. — Нет, вы повторите: в самом деле жива?

Катя повторяет:

— Жива, жива. Неужели я говорю неясно? Жива, здорова. Работает на Урале текстильщицей. План перевыполняет... Ну, чего ещё вам? Вот её адрес. А мне надо идти.

— Нет, стойте! — опять кричит Буянов. — А какая она? Ростом как вы или как я? А волосы какие? А глаза?

Катя закрывает уши.

— Откуда я знаю? Вы меня совсем оглушили! Не видала я вашей Евдокии.

Начальник вокзала догадался. пришёл Кате на выручку.

— Товарищ Буянов, вам пора. Поезд отправляется.

Стали прощаться.

— Ой, какая у вас сильная рука! — вскричала Катя, приседая от боли.

Буянов смутился.

— Простите, я не рассчитал... Это рука хирурга.

Вышли на перрон. Поезд тронулся.

— Счастливо! — Катя помахала вслед. — Брату и сестре приятного свидания!

А сама поправила на боку сумку и возвратилась на работу.

Вот и прочитана книжка.

Ты увидел, как устроена почта. Познакомился с людьми, которые принимают от нас письма, перевозят их в поездах, самолётах, на автомобилях и заботливо доставляют по адресу.

Что же на прощанье ты пожелаешь тёте Глаше, Кате Глазковой и их товарищам?

Здоровья пожелаешь. И, конечно, успехов в работе.

— Спасибо на добром слове! — это говорит тётя Глаша.

А Катя Глазкова, — что ответит она?

Комсомолка встаёт и стучит ладонью по столу. Вид у неё строгий — не улыбнётся.

— Катя, вы, кажется, приготовились сказать читателям целую речь? Но книжка закончена. Для речей уже нет места.

Почтальон Глазкова не уступает. Требуем внимания.

— Нет, — говорит, — ещё рано распускать читателей! Пусть присядят да на ус намотают то, что скажу... Известно ли вам, ребята, что у нас, на почтамте, всякий день набирается не меньше двухсот писем с неправильным адресом?

Неправильно адресованные письма замусоривают сортировочные столы и машины, мешки, почтовые ящики. Из-за них и письмо с чётким адресом не можешь доставить вовремя. Пожалуйста, ребята, не надписывайте конверт так, как это сделал Саша:

Александровна

Полевая ул., 11

Ване Наверину

Из Ленинграда. От Саши

Саша, когда писал письмо, наверное, думал, что в адресе всё правильно. Недаром постарался — вон как красиво вывел каждую буквуку!

А на почтамте развели руками:

„В какую же Александровку? В которую? В Советском Союзе 112 Александровок!“

Ваня Наверин письма не получил и никогда не получит.

Эх, Саша, Саша! Ведь ты забыл написать, в какой области эта Александровка. Всего только два слова не дописал на конверте и загубил письмо... Нельзя быть таким невнимательным!

Вот ещё письма.

Посланы они разными людьми, в различные места, — а во всех адресах одна и та же ошибка.

Какая же?

Ярославская обл.,

ул. К. Маркса,

д. 6, кв. 8

Метельников Луизе Ник.

Ленинградская обл.,

Павловская ул., 10

Леонтьевой Марии

Федоровне

Во всех этих адресах — ни села, ни города...

А вот другая оплошность. Здесь что пропущено?

Ленинград,

дом 5, кв. 3

Варваре Даниловне

Здесь

Проспект, д. 74, кв. 169

Кузнецовой

Здесь не указаны улицы.

А в этих адресах чего недостаёт?

Ленинград

Научно-исследовательский
институт

Федорову

Ленинград

д. 9 — 159148

Чумаченко Е.

Почтальон Катя Глазкова в шутку советует:

„Когда садишься надписывать конверт или открытку, — раньше всего поставь внизу свой адрес“.

Сказано в шутку. А совет толковый, особенно для рассеянных. Ведь стыдно, если письмо возвратится!

Хорошие, дельные советы дала Катя Глазкова.

Скажем ей спасибо. И знаете что, ребята, — давайте будем помощниками почтальонов. Все как один — согласны?

Слышу от вас дружное: „Да-а!“

Хорошо. Приступим к делу. Можешь написать правильно адрес? Нет? Научись.

Сам будь внимателен и другим помогай не ошибаться в адресах.

Вот это и будет твоя помощь почте — большая помощь, настоящая!

Александров
Полевая ул., 11
Ване Каверину
из Ленинграда
от Соши

Красноярский край
ул. Маяковского, 8
Кривошукной
Залине

Марнопольская
обл.
г. Тастелло, д. 1 кв. 32
Соловьевой Л. П.
Ленинградская обл.
Павловская ул. 10
Ментевова Марии
Федоровне

Ярославская обл.
ул. К. Маркса
36 кв. 8
Метельниковой
Луизе Ник.

Ленинград
дом 5 кв. 3
Варваре
Даниловне

Здесь
Проспект, д. 74
Кузнецовой

Ленинград
Невский район
по Васильевскому
Яковлевый В. Ф.
Ленинград, А. Галицын

Ленинград
Научно-исследовательский
институт
Федорову

Ленинград
д. 9-159148
Чумаченко Е.

29 коп

Ответственный редактор Д. Б. Колосова. Консультант по художественному оформлению Ю. И. Киселев. Технический редактор И. М. Сидельникова. Корректоры К. Д. Немолоская и Л. К. Малахова.
Подписано к набору 31/1 1963 г. Подписано к печати 15/IV 1963 г. Формат 60х90.
Печ. л. 5. Усл. печ. л. 3. 84-изд. л. 4,18. Тираж 165 000 экз. ТП-1923 № 39. Ленинград.
ское отделение Детгиз. Ленинград. Д-167, каб. Кутузова, 6.
2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства просвещения РСФСР
Ленинград, 2-я Советская, 7. Звонки № 19. Цена 29 коп.